

Взгляд, холодный как зимний иней, скользнул в его сторону, заставив Бай И очнуться. Прислушавшись к лёгкому плеску воды, он опустил ресницы. Вокруг по-прежнему был бассейн с лепестками цветов, а он, казалось, пережил во сне прошлое третьего сына семьи Бай, но так и не смог остановиться на том времени.

Бай И ещё немного постоял в воде, размышляя о том, что трагедия Дома канцлера началась именно с этих слов императрицы.

Той ночью, хотя императрица и князь Дуань не предприняли никаких действий, спустя день кошмар третьего сына семьи Бай начался.

В первый день императрица беспрецедентно вызвала жену канцлера и щедро одарила её. Леди Бай, не понимая скрытого смысла, с радостью приняла подарки.

В ту же ночь стража в парчовых халатах ворвалась в Дом канцлера, нашла там императорский халат и арестовала всех членов семьи, включая его второго брата, находившегося на северо-западе.

В ту ночь Дом канцлера был ярко освещён, и за одни сутки все, от стариков до детей, оказались в подземной тюрьме. Слуг и служанок казнили на месте. Бай И закрыл глаза, и в ушах его, казалось, всё ещё звучали отголоски воплей.

Хотя прошёл всего один день, Дом канцлера быстро стал прошлым, темой, запретной для обсуждения при дворе. Все, кто оказался в тюрьме, кричали о своей невинности, но это не имело никакого значения.

Бай И теперь был разыскиваемым преступником, так как император, уничтожая Дом канцлера, не смог его схватить. Он продолжал преследование, но игнорировал его, находящегося прямо у всех на виду.

Третьего сына семьи Бай в ту же ночь крепко связали и доставили в Сад Ив. Он прекрасно понимал, кто его сюда отправил, и осознавал, что теперь он беглец, поймают — смерть. Но выставление его на продажу на помосте для куртизанок заставило его сердце упасть в самый низ.

Возможно, именно поэтому он постоянно бился головой о столб?

Бай И размышлял об этом, как вдруг услышал, как кто-то громко стучит в дверь. Затем раздался голос Лю Юня:

— Третий господин, уже поздно, патруль скоро прибудет...

Патруль?

Бай И слегка удивился, но затем в его глазах вспыхнул свет. Патруль, должно быть, был послан императрицей, чтобы убедиться, что он не сбежал, и заодно полюбоваться его страданиями.

Он неторопливо поднялся по ступеням, выходя из воды, и произнёс:

— Я знаю.

Лю Юнь услышал, как дверь скрипнула и медленно открылась. Лёгкий цветочный аромат ударил ему в нос, и он невольно глубоко вдохнул.

Когда его взгляд упал на человека перед ним, из носа его медленно потекла кровь.

Третий господин был без одежды... Нет, на нём был накинут прозрачный шёлковый плащ, но он лишь кое-как прикрывал тело. Не говоря уже о том, что кое-что было едва прикрыто, его ноги были полностью обнажены.

Лю Юнь достал платок, чтобы заткнуть нос, и снова вздохнул в душе. Этот третий господин действительно не должен был попасть в его Сад Ив.

Бай И взглянул на него, на губах его появилась лёгкая улыбка, и он неожиданно сказал:

— Не мог бы ты одолжить мне одежду?

Лю Юнь слегка опешил, но в душе его промелькнула досада. Неужели этот третий господин до сих пор считает, что вещи в Саду Ив грязные?

Он сдержал своё презрение и, не показывая его на лице, просто сказал:

— Сяо Ци, сходи в лавку и купи третьему господину...

Его слова были прерваны улыбкой Бай И:

— Не нужно, Лю Юнь. Если ты не против, дай мне одежду, которую никто из твоего Сада Ив не носил.

Затем, не обращая внимания на изумление Лю Юня, он добавил:

— Не нужно слишком официальной.

В итоге Бай И надел ярко-красный шёлковый халат и снова встал на помост. Он был босиком, его белоснежные ступни выглядели нежнее, чем у любой женщины, но в то же время излучали силу. Он провёл на помосте всего мгновение, и все, независимо от пола, были привлечены к нему.

Лю Юнь внизу хмурился, глядя на третьего господина, и вдруг вспомнил, как он спросил его:

— Почему ты надел эту одежду?

Эта одежда, по сути, была лишь для привлечения внимания.

Но третий господин ответил:

— Я хочу привлечь одного человека.

Или, можно сказать, одно существо.

Бай И подумал, что если Таоте тоже оказался в этом царстве Сивэй, то, учитывая, что в прошлый раз он был Небесным Императором, самым могущественным на Девяти Небесах, на этот раз его статус, вероятно, тоже высок.

Он тщательно перебрал свои воспоминания и обнаружил, что в его памяти только император тяжело болел. Он спросил Лю Юня и узнал, что это действительно так, и что император уже выздоровел.

Бай И почувствовал, что у него есть шанс доказать невиновность Дома канцлера, но для этого ему нужно встретиться с императором.

Он сел на высокий помост и заметил, что внизу собралось уже достаточно людей. Внезапно он встал, улыбнулся и сел на край помоста, свесив ноги, не обращая внимания на горящие взгляды.

Бай И сказал:

— Раз меня выставили на продажу, я должен рассказать о своей судьбе, чтобы, если кто-то меня купит, не получилось, что мы станем несчастной парой из-за незнания моих предпочтений.

Он говорил спокойно, но слушатели чувствовали смешанные чувства жалости и насмешки.

Жалость заключалась в том, что никто его не купит, и через несколько дней его голова, вероятно, скатится с плеч.

А насмешка — в том, что если кто-то и купит юношу для развлечений, то вряд ли даст ему настоящее имя, так что о несчастной паре речи быть не может.

Поэтому, когда Бай И произнёс эти слова, внизу раздался смех. Несколько хулиганов кричали:

— Маленький красавчик, что тебе нравится? Скажи, мы найдём это для тебя, чтобы мы могли насладиться высшим блаженством!

Слова были слишком откровенными и унижительными.

Лю Юнь с тревогой посмотрел на третьего господина на помосте, боясь, что он снова ударится головой о столб.

Но на этот раз третий господин был другим. Услышав это, он не изменился в лице и даже тон его голоса остался прежним:

— Я был человеком императора.

Эти слова заставили всех замолчать. Лю Юнь чуть не подавился собственной слюной и посмотрел на третьего господина, думая, что он врёт.

Не только он так думал, все были в замешательстве.

— Вы, вероятно, не знаете, что дворец глубок и тёмн. В детстве я часто бывал во дворце, тогда он ещё был наследником престола, и любил обнимать меня. Мы пили вино и любовались цветами, и так прошло больше десяти лет. Позже, когда я ещё не достиг совершеннолетия, мы поклялись друг другу под полной луной. Я помню, что в тот день цветы шелковой акации цвели особенно пышно. Но потом он женился на императрице и взял в жёны мою сестру. Говорили о судьбе и её отсутствии, но всё сводилось к тому, хочет ли он удержать того человека...

Бай И глубоко вздохнул, взглянул на толпу и заметил, что некоторые вздыхают вместе с ним, а несколько женщин даже украдкой вытирают слёзы.

— Недавно эту историю снова вспомнили, и, говорят, императрица разгневалась... На самом деле, я не хотел снова говорить об этом, но не хочу, чтобы из-за меня пострадали все в Доме канцлера. Одна ошибка в чувствах привела меня в ад, но я не хочу, чтобы другие страдали. Даже сейчас, с открытыми глазами, я вижу, как в тот день кровь текла рекой. Я хочу спросить его лично, но так и не увидел его среди всех этих перемен...

Бай И говорил, и на его холодном лице появилась печаль, которая трогала сердца.

— Мама Лю, я хочу купить этого господина, скажите, что именно сказал тот человек?

Молодой человек с веером, с покрасневшими глазами, посмотрел на Лю Юня, готовый броситься на помост и увести третьего господина.

Его слова вызвали одобрение, и все стали предлагать свою помощь.

Лю Юнь нахмурился, вздохнул и сказал:

— Тот человек, тот человек...

Императрица не сказала ничего особенного, лишь потребовала, чтобы в эти дни его всячески унижали, лучше всего относились к нему как к новому куртизанке в Саду Ив и жёстко его обучали.

Тогда Лю Юнь поспешил объяснить новые правила Сада Ив, которые отличались от прежних. Теперь всех выставляли на продажу для первой ночи.

<http://bllate.org/book/15500/1374854>